

Выражение лица Шэнь Юйхэна застыло.

Делить постель? Кто? Я?

Он же вроде не сделал ничего особенного, чтобы привлечь внимание старого Императора, так ведь? Почему очередь прислуживать в постели уже дошла до него? А-а-а-а!

Заставив себя сохранять спокойствие, Шэнь Юйхэн дождался, пока слуги вручат награду главному евнуху Фану, прежде чем нерешительно спросить:

— Теперь, когда Девятый принц вернулся во дворец, астрологические знамения неблагоприятны, и к тому же он воспитывается в моем дворце...

Главный евнух Фан ответил:

— Астрологический приказ действительно докладывал о неблагоприятных знамениях некоторое время назад, но в этом месяце звезды сместились. Его Величество больше не беспокоит положение Девятого принца.

Затем евнух добавил тихим, заискивающим тоном:

— В роду Шэнь из поколения в поколение рождались генералы. Его Величество обычно не жалуется «крепких» наложников, вот почему он не вызывал вас до сих пор.

Эти мужчины-наложники отбирались Астрологическим приказом и Палатой внутренних дел на основе их гороскопов; сам Император их еще даже лично не осматривал.

Шэнь Юйхэн всё понял. Значит, старый Император увидел его сегодня и был сражен его красотой?

Лицо прежнего владельца было почти точной копией собственной внешности Шэнь Юйхэна — привлекательное и яркое, но со свежей, прекрасной элегантностью во взгляде. Старый Император привык к экзотическим «деликатесам»; вид такой естественной красоты без грамма макияжа неизбежно должен был подогреть его интерес.

Система выразила свои соболезнования: □Хозяин, прощай (Свеча.jpg) (Свеча.jpg) (Свеча.jpg)□

Шэнь Юйхэн: «...» Только не надо зажигать по мне благовония так рано!!

Вздыхнув, Шэнь Юйхэн откинулся на спинку паланкина. В ночной темноте вид из окна был размытым. Он поднял голову и обнаружил, что взгляд юноши прикован к нему — темный и непроницаемый.

— На что ты смотришь?

Шэнь Юйхэн не понимал, почему Сяо Цзинь пялится на него весь день и о чем думает этот мальчишка. Он указал на него:

— Раны на руках все еще болят? Дай взгляну.

Сяо Цзинь, естественно, не стал бы добровольно протягивать руки. Шэнь Юйхэн просто сам взял эти холодные, покрытые обморожениями ладони — раны выглядели примерно так же, как и днем.

— Где мазь, которую я велел тебе нанести?

Какой толк уметь убивать и жечь? Ты даже собственное обморожение вылечить не можешь. Чем ты вообще отличаешься от ребенка?

Чувствуя собственное бессилие, Шэнь Юйхэн достал маленькую баночку с ароматическим бальзамом, которую носил с собой, и нанес его на руки Сяо Цзиня. Хотя разница в возрасте между ними составляла всего два года, психологический возраст Шэнь Юйхэна был намного больше; он воспринимал Сяо Цзиня не иначе как ребенка.

Пока его изящные, словно вырезанные из нефрита пальцы распределяли тонкий слой бальзама по грубой, воспаленной коже, мягкая субстанция впитывалась в каждую трещинку. Сяо Цзинь с нерешительностью следил за движениями Шэнь Юйхэна, его глубокие глаза были полны сомнений. Он подавлял в себе желание выдернуть руки, когда услышал тихий вздох Шэнь Юйхэна — звук, обволакивающий его, словно легкий дым.

Что касалось прислуживания в постели, Шэнь Юйхэн тысячекратно, искренне этого не желал.

До переселения душ Шэнь Юйхэну было всего чуть больше двадцати. Старому Императору перевалило за сорок — он годился ему в отцы. Заниматься этим с незнакомым пожилым мужчиной, которого он увидел всего полтора часа назад... каким бы широким ни было мышление Шэнь Юйхэна, настолько раскрепощенным он точно не был.

Стоило ему вернуться во Дворец Чистой Ясности, как, не успел он даже переступить порог, взволнованные слуги уже повели его внутрь. Каждый встречный радостно поздравлял его. Лишь сам Шэнь Юйхэн не мог выдавить из себя и тени улыбки.

Наставница по этикету затащила его в комнату, чтобы обучить «вгоняющим в краску» премудростям, отчего с каждой секундой Шэнь Юйхэна всё больше охватывал ужас.

— Мне вдруг стало как-то нехорошо. Я выпил вина ранее. Что, если меня потом стошнит прямо на Его Величество?

Наставница пронизательно прищурилась и зловеще оскалилась в улыбке:

— Разве супруг Шэнь обычно не изнывает от тоски в ожидании вызова? Почему же вы вдруг испугались теперь, когда этот день наконец настал?

— Я...

— Его Величество в самом расцвете сил, его окружают бесчисленные наложницы, и обычно он предпочитает женщин. Среди всех мужчин-наложников вы первый, чью табличку Его Величество лично перевернул и кого потребовал к себе.

Губы Шэнь Юйхэна дернулись. «...» Кто хочет такое «благословенное счастье» — забирайте! Мне оно даром не нужно!!

Ему отчаянно хотелось выпрыгнуть в окно и сбежать, но наставница и слуги следили за ним как ястребы, не давая ни единого шанса.

Почувствовав его истинное намерение дать деру, наставница сжала его руку еще сильнее:

— Супруг Шэнь, прекратите глупить. Паланкин Милости уже ждет снаружи. Прощу вас,

отправляйтесь в Зал Возвращения Духа Его Величества!

«.....» Две дорожки слез едва не покатались по лицу Шэнь Юйхэна.

Нет, нет, не может быть. Неужели его действительно [Оцензурено] сорокалетний Император сразу после переселения душ?!!

Забыв о всяком «образе», Шэнь Юйхэн оказался едва ли не привязанным к Паланкину Милости. Когда паланкин скрылся за поворотом дворцовой дорожки, вдали остался виден лишь слабый, мерцающий отблеск огня.

— Странно, — прошептала служанка Цзяобай. — Разве супруг Шэнь обычно не стремится попасть в императорскую постель? Почему сегодня он казался таким неохотным?

Юньдоу с жалостью покачала головой:

— Похоже, супруг Шэнь все еще не может забыть господина Мэна...

Позади них, вдоль багровых дворцовых стен, беззвучно проскользнула зловещая тень и растворилась в темноте, словно призрак.

Единственное, что утешало Шэнь Юйхэна, так это то, что налогожникам Великой Чжоу разрешалось носить одежду, когда они отправлялись прислуживать. Если бы его, голого, завернули в одеяло, как в тех дворцовых дорамах, он потерял бы остатки всякого достоинства.

Это было единственной крупницей утешения, которую он смог найти.

Спустившись с паланкина, главный евнух Фан почтительно проводил его в Зал Возвращения Духа. Стоило войти, как в нос Шэнь Юйхэну ударил тяжелый запах лекарств, от которого у него закружилась голова.

Услышав шаги, изнутри раздался резкий, настороженный голос:

— Кто там?

Фан Цин поклонился:

— Ваше Величество, супруг Шэнь прибыл.

— Хорошо.

Сквозь дымку благовоний Шэнь Юйхэн увидел расплывчатый силуэт; длинные волосы спадали вниз, делая его похожим на лесного духа. Фан Цин поклонился и удалился, оставив его в одиночестве сгорать от ужаса.

Мужчина тихо усмехнулся — в этом звуке не было ничего приятного, напротив, он нес в себе тяжелое, давящее ощущение. Почему-то каждый раз, видя этого старого Императора, Шэнь Юйхэн чувствовал, что тот не совсем похож на живого человека.

Мужчина подошел к курильнице и лично добавил кусочек благовония. Дым поднялся лентами, превращая комнату в сказочную обитель. Он повернул голову в сторону Шэнь Юйхэна, его лицо скрывалось в полумраке.

— Подойди ближе. Дай мне взглянуть на тебя.

«...» Ладони Шэнь Юйхэна покрылись холодной испариной.

— Да, Ваше Величество.

На нем была не привычная одежда; наставница и служанки нарядили его в шелковые одежды цвета слоновой кости. Край белоснежной ткани волочился по полу, пока Шэнь Юйхэн делал мучительно медленные шаги вперед.

Войдя в дымку, он почувствовал, как вокруг его шеи обвился взгляд, холодный и скользкий, словно змея. Он украдкой поднял глаза и увидел Императора, полулежащего на кровати; водопад его черных волос струился прямо на пол.

Мужчина прищурил миндалевидные глаза и слегка кивнул, поддевая пальцем мякоть полупрозрачной виноградины:

— Ты и впрямь имеешь сходство с Великим генералом.

Под «Великим генералом» имелся в виду отец Шэнь Юйхэна, Шэнь Чун.

— Твой отец и братья проводят дни на поле боя среди крови и клинков; ты же, напротив, весьма мягок. Ты даже готов воспитывать Старого Девятого.

Шэнь Юйхэн запинаясь проговорил:

— У Девятого принца «чистая» натура. Он жил во дворце совсем один, почти без общения. Я не мог смотреть, как он растет без заботы, поэтому я...

К концу фразы он едва не рассмеялся. Ему хотелось замолвить за Сяо Цзиня пару словечек, чтобы улучшить отношение к мальчишке во дворце, но эта ложь, казалось, обжигала ему язык!

Император издал тихий, хриплый смешок:

— Я не питаю ненависти к Старому Девятому. Просто, как известно супругу Шэню, звезды против него. У меня нет выбора.

— Ваше Величество правы. — Шэнь Юйхэн уловил в его голосе странный подтекст, словно за этими словами скрывался тайный смысл.

Не успел он попытаться разгадать его, как мужчина продолжил:

— Довольно. — Он зевнул. — Я начинаю утомляться. Поднимайся сюда. Наставница ведь обучила тебя правилам прислуживания в постели?

Мужчина приподнялся на локте и поманил Шэнь Юйхэна согнутым пальцем, словно подозвал щенка:

— Неважно, даже если не знаешь. Ты радуешь мой глаз; я не против обучить тебя лично.

«...» Шэнь Юйхэна прошиб холодный пот. Внезапно он разучился понимать человеческую речь.

Император приподнял бровь:

— Что? Супруг Шэнь желает сделать это на полу? Ну хорошо. Раз уж это твой первый раз, я исполню твое желание.

— Нет, не желаю! Ни в коем случае! — Руки Шэнь Юйхэна дрожали. — Я слышал, Ваше Величество не жалуется на мужчин-наложников. Я не хочу вызывать ваше недовольство.

— Не имеет значения. — Император указал на пиалу с черной жидкостью на столе. — Подай мне то лекарство.

Шэнь Юйхэн дрожащими руками поднес пиалу, несмотря на всю осторожность пролил несколько капель. Император ничего не сказал, взял сосуд и выпил всё залпом. Его тонкая, почти лишенная плоти шея слегка дернулась при глотке.

Закончив, он взял Шэнь Юйхэна за руку и заставил сесть на кровать. Шэнь Юйхэн сидел жесткий и напряженный, как каменное изваяние. Система уже давно испарилась, но список сексуальных предпочтений Императора, который она зачитала ранее, крутился в его голове на повторе.

Я не хочу делить с ним постель, а-а-а!!!

Шэнь Юйхэн уже собрался вскочить, когда Император схватил его за талию. Для столь тощего мужчины сила у него была просто поразительная.

— Не нервничай. Я буду нежен с тобой.

В голове у Шэнь Юйхэна творился полнейший хаос, он понятия не имел, что делать. Однако спустя несколько секунд движения Императора стали необъяснимо вялыми. Рука, лежавшая на его талии, внезапно соскользнула вниз.

А?

Шэнь Юйхэн осторожно отстранился. Лишившись опоры, тело Императора поникло и рухнуло на кровать. После мгновения ошеломленного молчания Шэнь Юйхэна прошиб холодный пот, и он поспешно проверил дыхание мужчины.

Почувствовав пальцем ровное дыхание, Шэнь Юйхэн наконец выдохнул с облегчением. Он понятия не имел, почему Император вдруг уснул, но избежать постельной повинности — это был самый лучший исход.

Шэнь Юйхэн аккуратно поправил позу Императора и даже смял лежащие рядом одеяла, чтобы всё выглядело так, будто они уже закончили. Инсценировав эту картину, он испустил долгий вздох облегчения.

К счастью, по правилам наложник должен был возвращаться в свои покои сразу после «службы»; оставаться на ночь не требовалось, если только наложник не пользовался исключительной милостью. Шэнь Юйхэн взглянул на спящего Императора, убеждаясь, что тот действительно в глубокой отключке, после чего осмелел и поспешил к выходу.

Пора сваливать!

Внутри Зала Возвращения Духа

Вскоре после ухода Шэнь Юйхэна главный евнух Фан дважды постучал в дверь и вошел. Убедившись, что Император действительно уснул, Фан Цин погасил свечи и удалился.

Снаружи, за бумажным окном, бесшумно мелькнула тень, после чего исчезла без следа.

<http://bllate.org/book/17965/1725617>